

Великий князь Константин Константинович со служащими Вольского кадетского корпуса. В центре — епископ Вольский Досифей (Протопопов). 17 мая 1914 г.

пороков и дурных наклонностей. Добродушная улыбка при разговоре и тогда не сходила с лица епископа Досифея».

15 апреля 1906 года по возведении в сан архимандрита он становится ректором Смоленской духовной семинарии, которую когда-то заканчивал сам. При архимандрите Досифее открыли читальню для учащихся, для нее отвели особую комнату и приобрели необходимую мебель. Отец Досифей был награжден орденом святой Анны II степени.

В саратовском кафедральном соборе во имя святого благоверного князя Александра Невского будущий исповедник веры 18 января 1909 года был хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии. В 1913 году временно управлял Уфимской епархией. При владыке Досифее была достроена и освящена Благовещенская церковь при Архиерейском доме в Вольске.

На Вольской кафедре владыка Досифей пробыл более восьми лет. 14 августа 1917 года съезд духовенства и мирян Саратовской епархии избрал его правящим архиереем Саратовской епархии. Поместный Собор утвердил назначение Преосвященного Досифея с титулом «епископ Саратовский и Царицынский» (с 4 октября 1918 года — Саратовский и Петровский).

В 1917—1918 годах владыка Досифей был делегатом Поместного Собора Российской Православной Церкви. В 1919 году владыка был арестован и провел неделю в концлагере, а затем его заключили на четыре месяца (с 3 июля по 9 октября) в саратовскую тюрьму в качестве заложника. В апреле 1922 года владыка Досифей был привлечен к следствию, начатому Саратовским губотделом ГПУ. 9 июня 1922 года владыка Досифей

Епископ Вольский Досифей (Протопопов)

в саратовскую тюрьму. После 15 июня семь обвиняемых были освобождены под подписку о невыезде, а епископ Досифей 17 июня был помещен в Саратовский губисправдом. Позже его ненадолго освободили, но 24 октября при содействии представителей «Живой церкви» последовал новый арест архипастыря. 21 февраля 1923 года допрашивался как свидетель по

делу Патриарха Тихона. Находился в различных тюрьмах и лагерях, в том числе — в лагерях Нарымского края.

В годы ссылки епископа Досифея Саратовской епархией управляли его викарии: епископ Вольский Иов (Рогожин) в 1921—1922 годах, епископ Балашовский Андрей (Комаров) с 14 января 1921 по 6 марта 1926 года. В 1925 году епархией временно управлял Таганрогский епископ Арсений (Смоленец). 6 марта 1926 года вернулся к управлению Саратовской епархией, а в начале 1927 года он упоминается в сане архиепископа. В феврале 1927 года владыка был приговорен к трем годам ссылки и 27 октября того же года уволен на покой.

Вернувшись из ссылки жил в Саратове с сестрой Марией Алексеевной. Пользовался большим уважением и любовью верующих Саратова. Авторитет владыки Досифея помог многим верующим занять правильную позицию в годы видимого торжества обновленчества. По воспоминаниям прихожан Духосошественского собора однажды в начале богослужения владыка Досифей, уже находившийся на покое и молившийся по обыкновению в одном из приделов, покинул храм. Сразу же следом за ним вышли почти все прихожане. Церковь оказалась пуста, и «красным попам» так и не удалось убедить верующих Саратова молиться в их церкви.

Преосвященный Досифей (Протопопов) скончался в Саратове 25 марта 1942 года. Отпевание совершил протоиерей Николай Чуков (впоследствии епископ Саратовский, митрополит Ленинградский и Новгородский). Похоронен на Воскресенском кладбище в Саратове. В 2023 году он был торжественно перезахоронен в Свято-Троицком кафедральном соборе г. Саратова.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ТРОИЦКОГО СОБОРА

Революционные беспорядки начались в Вольске задолго до 1917 года. В годы первой русской революции учащиеся главных учебных заведений Вольска — Учительской семинарии, Женской гимназии, Реального училища — находились в гуще политики. Свободными от революционных настроений оставались только Кадетский корпус и Духовное училище.

Увлечение политикой подростков, проходивших, главным образом, из купеческих и мещанских семей, начиналось под влиянием педагогов, не всегда отличавшихся благонадежностью. Так, например, в Женской гимназии конспиративный кружок был организован учителем математики Сергеем Ивановичем Бондаревым, носившим странное прозвище «Корень из одиннадцати» и ставшим впоследствии депутатом Первой Государственной думы от Саратовской губернии (фракция трудовиков). О деятельности этого кружка ярко и интересно рассказывает писатель А.С. Яковлев в автобиографической повести «Ступени».

Дочь преподавателя Вольского кадетского корпуса Евгения Николаевна Аткарская (Соллогуб) вспоминает о доставлявшихся из Саратова номерах «Правды» и «Искры», в распространении которых самое активное участие принимала дочь вольского уездного полицмейстера Василия Михайловича Гусева: «Мне лично приходилось приходиться за этой литературой к медицинской сестре З.В. Гусевой в дни ее суточного дежурства в городской больнице... З.В. Гусева была дочерью вольского полицмейстера и, таким образом, была вне подозрений полиции. Полученную литературу мы обычно прятали в чулки за резинку, благо резинки тогда были круглые...»¹. Известно, что в соседнем с Соллогубами доме, на месте которого в конце 1980-х годов было построено здание Музыкального училища, находилась подпольная типография.

¹ Из семейной хроники. Воспоминания Евгении Николаевны Аткарской. Машинопись. 1978 г. Фонды Вольского Краеведческого музея. С. 3.

Троицкий собор в начале XX в.

Огромное количество революционной литературы привозили в Вольск студенты московских и петербургских вузов, приезжавшие в родной город на каникулы. Среди них особенно отличались Леонид Лукьянов, Николай Разумов и приемный сын известного вольского врача М.И. Шмуккера Всеволод Юрганов.

В корпорацию преподавателей Вольской Учительской семинарии входили социал-демократ А.М. Пинкевич и эсер Н.П. Кулаков. Революционный дух в Учительской семинарии ощущался как ни в каком другом учебном заведении Вольска. Учащиеся демонстративно отказывались посещать богослужения в домовых церквях, так что законоучитель священник Александр Попов иногда совершал литургию в полном одиночестве.

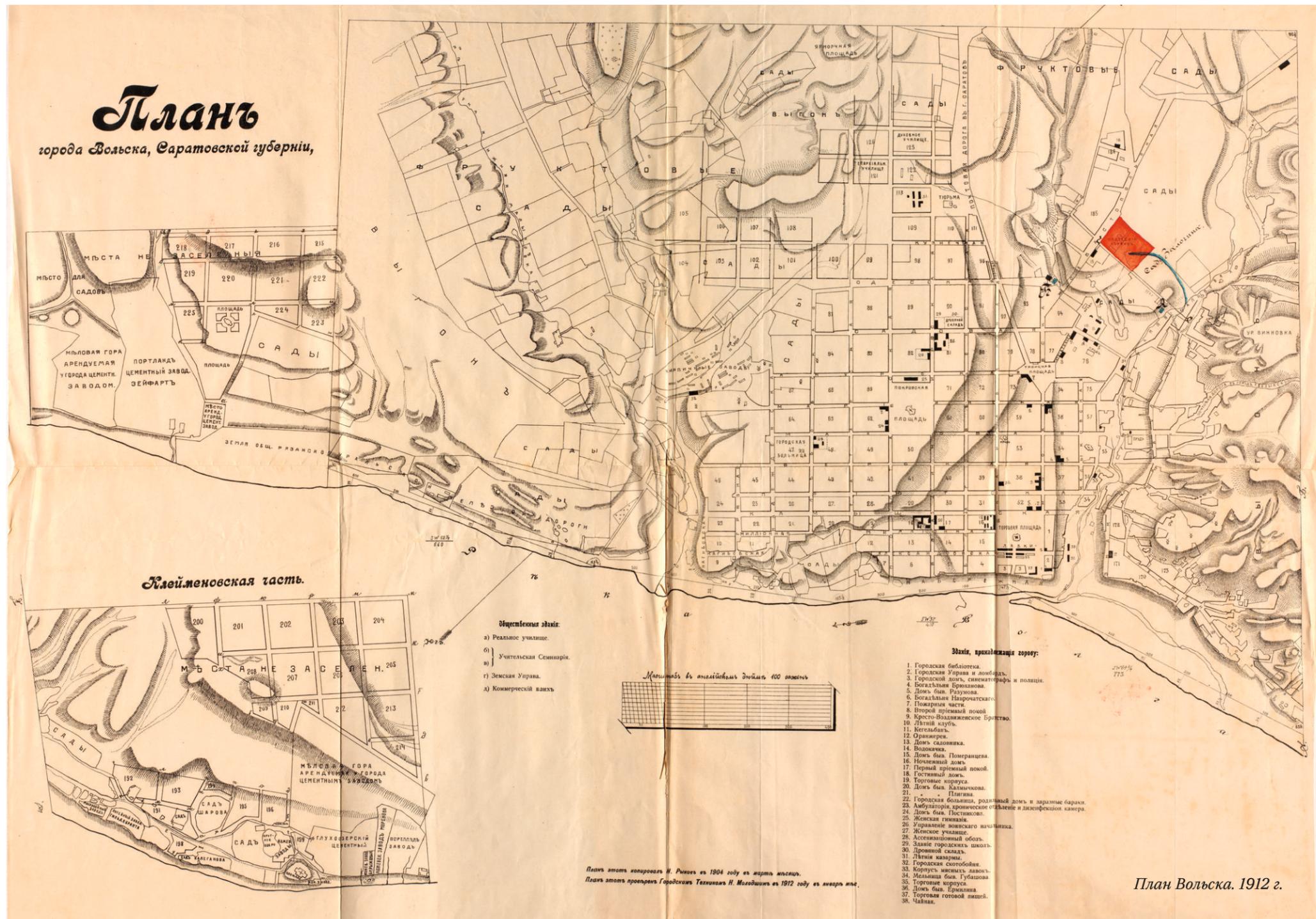
Будущие учителя начальной школы, обучавшиеся в Вольской семинарии, были практически профессиональными пропагандистами. Хорошо знавший дело М.М. Шмуккер вспоминает: «Разъехавшиеся домой по деревням ученики семинарии весной 1905 г. повезли с собой брошюры, листовки и революционные воззвания. Это были: Петр Татаринцев, Павел Некторов, Трофим и Василий Колотухины, Петр Логачев, Петр Садовов... и многие другие. Из городских семинаристов брошюры и листовки забирали Алексей Колоярцев, Георгий Лошкарев и другие. Благодаря семинаристам брошюры и листовки попадали во все крупные села (Черкасское, Колояр, Царевщину, Сосновку, Лопуховку, Воскресенское, Балтай) и даже в соседние уезды Саратовской губернии и села Самарской губернии»¹.

В Вольской Учительской семинарии обучался Фёдор Панферов, в будущем чекист и видный функционер советской литературы. Среди его деяний, особенно запомнившихся жителям Вольска, — попытка ограбления Владимирского женского монастыря летом 1917 года, закончившаяся, впрочем, полной неудачей².

Не менее активными в отношении революционной деятельности были учащиеся Вольского реального училища, где конспиративный кружок возглавлял учитель П.А. Аникин. В Реальном училище обучались, например, В.В. Старков — один из организаторов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и товарищ Ленина по сибирской ссылке, и ученый-биолог Б.П. Токин, возглавивший в начале 1918 года в Вольске Комиссию по отделению церкви от государства³.

Мелкие хулиганства вольской революционной молодежи вылились в страшное побоище во время Манифестации 20 октября 1905 года. Приведем описание этих событий, сделанное дочерью преподавателя Вольского Кадетского корпуса Н.М. Соллогуба Е.Н. Аткарской (Соллогуб).

«Вспоминается демонстрация учащихся Вольска теплой осенью 1905 г. К зданию Женской гимназии подошла толпа участников

демонстрации. Начальница гимназии Власенко А.И., распорядившаяся запереть калитку, поняв бесполезность этого, распорядилась открыть и калитку, и ворота. Демонстранты поднялись на второй этаж в актовом зале. После короткого митинга все ученицы влились в поток демонстрантов и пошли по Московской улице с красным флагом. По пути в колонны демонстрантов вливались рабочие маслозавода Малиничева и другие. Подойдя к Соборной площади у берега Волги, мы увидели ряд дворников в одинаковых светлых фартуках со свежестроганными дубинками в руках. Среди этих блюстителей порядка было и много переодетых полицейских.

Кто-то из взрослых, кажется С.И. Бондарев, командовал: «Не стрелять». Толпа остановилась. Скоро началось избиение демонстрантов. Побежали назад, скрываясь в домах. Группа человек в 13–15 забежала в дом врача Богданова... В квартире Богданова было приготовлено убежище в подвале, вход в который был закрыт коврами на полуспальной.

Студент же Яблочников с товарищем укрылся здесь же в доме на Соборной площади на сеновале. Яблочников был найден и убит здесь же во дворе. Получившие побои шли на Глебовскую улицу в городскую больницу за врачебной помощью. Наш уважаемый учитель С.И. Бондарев еще несколько дней приходил на уроки

со следами ударов на лице, синяки постепенно сходили»¹.

Трагический исход Вольской манифестации был прямым следствием безответственности педагогов и слабости и малодушия местной власти. Шествие было вызвано воодушевлением от Императорского Манифеста от 17 октября 1905 года о даровании гражданских свобод. Секретная телеграмма о Манифесте сделала достоянием гласности благодаря почтовому чиновнику Александру Яковлеву, в будущем писателю.

¹ Из семейной хроники. Воспоминания Евгении Николаевны Аткарской. Машинопись. 1978 г. Фонды Вольского Краеведческого музея. С. 2–3.

¹ Шмуккер М.М. Семейная хроника. Воспоминания. Машинопись. Фонды Вольского Краеведческого музея.

² «Известия Вольского Совета Депутатов», № 97, Вольский филиал ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260. Л. 121.

³ Вольский филиал ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 85. Л. 1.

Как вспоминает М.М. Шмуккер: «Интеллигенция узнала о Манифесте от 17 октября 1905 года только в среду 19-го октября во время занятий в учебных заведениях. Наиболее сознательные учителя и учащиеся были приглашены к 7 часам вечера 19 октября в помещение казенного общежития семинарии на секретное совещание... Душевный подъем собравшихся был настолько велик, что один только призыв учителей С.И. Бондарева, Н.Х. Снегового и др. ознаменовать полученные свободы и конституцию манифестацией по городу был тут же всеми подхвачен, и все собравшиеся вышли на Садовую улицу...»¹. Пропев «Марсельезу» перед зданием Полицейского управления на Московской улице и повторив это исполнение у Городской управы, толпа двинулась к Покровской площади, на углу которой стоял дом жандармского полковника Козлова. Далее произошло то, без чего не обходится ни одна российская демонстрация, даже движимая самыми высокими патриотическими чувствами: «Какой-то хулиган выбил снятой с ноги калошей стекло в окне квартиры, чем дал повод к озлоблению со стороны правых граждан города, среди которых ночью произошло свое совещание, как реагировать на выступление молодежи»².

В организации случившегося на следующий день побоища М.М. Шмуккер обвиняет представителей вольского купечества А.П. Малиничева и А.Я. Соловьёва, вступивших в сговор с полицмейстером Д.И. Ждан-Пушкиным, который поручил «старшему своему сыну, студенту-медику, взять на себя при помощи приданных ему передетых городских задачу разгона демонстрации и вести антиреволюционную пропаганду против крамольников, которые не признают бога и хотят свергнуть царя-батюшку»³.

Как отмечает Шмуккер, лозунги с призывом к свержению самодержавия действительно звучали. И листовки соответствующего содержания разбрасывались. В то же время манифестация носила ярко выраженный патриотический характер: «Учащиеся трех учебных заведений с многими сотнями примкнувших граждан с развернутыми красными флагами двинулись к центру. На Московской улице многие встретившиеся друг с другом граждане останавливались, поздравляли друг друга с великим праздником. Многие крестились».

– Радость-то какая! Сподобил Господь! Теперь жизнь пойдет светлая, счастливая! Господи!!

Снимали головные уборы, лобызались, как в дни Пасхи, и крестились...»⁴

Беспорядки, завершившиеся кровопролитием, долго будоражили город. 28 октября родители избитых манифестантов отправили телеграмму премьер-министру графу С.Ю. Витте: «...20 октября вольская полиция с помощью босяков и подговоренных разного рода темных личностей учинила избиение на улицах города наших детей учащихся разных учебных заведений и граждан».

Один студент Яблочников убит, многие избиты до полусмерти. Покорно просим Ваше Сиятельство назначить самое строгое следствие и предать виновных в избиении совместно с полицией суду». Среди подписавших телеграмму значится имя протоиерея Севериана Мансветова, вступившего за своего сына⁵.

Провокационными действиями полиции было возмущено и местное самоуправление. 27 октября в адрес Витте полетела телеграмма за подписью исполняющего должность городского головы И.А. Рейхардта: «20 октября на улицах Вольска подверглись избиению толпой учащиеся реального училища, женской гимназии, другие лица. В экстренном заседании Городской думы, бывшем сегодня с участием всех ведомств и сословий общества, единогласно постановлено просить Ваше Сиятельство оказать свое содействие. Чтобы состоящие на государственной службе должностные лица, если будет установлено, что они при исполнении своих служебных обязанностей при избиении учащихся совершили преступления, были привлечены к судебной ответственности. Так как на заседании некоторыми лицами было заявлено о бездействии и даже участии полиции в избиении. Вместе с тем постановлено также единогласно просить Ваше Сиятельство приказать немедленно прислать в Вольск роту войска в распоряжении воинского начальника...»⁶.

Свой отчет представило и Полицейское управление, постаравшись, как обычно, сгустить краски. 31 октября жандармский подполковник Н.Н. Козлов телеграфировал начальнику корпуса жандармов: «...бастующие реалисты, собравшись в доме врача Шмуккера на Знаменской улице, направились толпой к Женской гимназии, по дороге к ним примкнули ученики семинарии, учителя, учительницы, чиновники и другие лица, причем акцизные чиновники Александров, Ситников и жена священника Тихомирова, подойдя к толпе, раздавали красные флаги... Идя по главной улице, демонстранты пели революционные песни, свистели и кричали: "Долой царя!", "Долой самодержавие!". Когда демонстранты подошли к Соборной площади, народ услышал крики и... моментально бросился на демонстрантов и принялся их избивать. Избитых много, но серьезно пострадали только 15 человек, из коих один, а именно студент Петербургского Технологического института Яблочников вскоре умер. Точных цифр и сведений об избитых доставить не представляется возможным, так как избитых скрывают, и даже городская больница относительно избитых лиц, находящихся там на лечении, сведений не дает...»⁷.

Протесты городской общественности и Городской думы не остались неслышанными. Дионисий Иванович Ждан-Пушкин был снят с должности полицмейстера. На его место был назначен Владимир Васильевич Прушков.

¹ Там же. С. 94–95.

² Там же.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Февральскую революцию и свержение царя учебные заведения Вольска встретили с полным восторгом. Едва сдерживаемая радость дышала и в сердцах большинства преподавателей, украсивших свои сюртуки красными бантами. Директор Учительской семинарии В.М. Гавриловский явился на чтение манифеста об отречении императора в парадном мундире при всех орденках, предложив всем помолиться о государе¹.

События 1917 года художественно описаны в романе А.С. Яковлева «Человек и пустыня». В романе, изданном в 1929 году, революция предстает в образе пустыни, которая берет реванш над человеком, пытающимся упорным трудом превратить хаос в космос, преобразить стихийные, разрушительные силы природы и человеческой души в упорядоченный мир созидательного процесса.

Закрытие вольских церквей началось в начале 1918 года, сразу же после издания декрета Совнаркома от 20 января (2 февраля) 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В Вольске председателем комиссии, созданной при Уездном исполкоме, стал будущий профессор-биолог Борис Петрович Токин.

В соответствии с историческим декретом уже в 1918–1919 годах были закрыты домовые церкви при учебных заведениях города. Вольский благочинный протоиерей Константин Тихов пытался сохранить имущество закрываемых церквей, передавая его в сельские храмы, за что и получил выволочку от новой власти. В тех случаях, когда ЧК все же разрешала передать имущество закрываемой домовой церкви в приходской храм, большинство серебряных предметов оседало в самой Чрезвычайной комиссии².

Приходские церкви в эти годы избежали закрытия. Однако их капиталы оказались немедленно конфискованы. Троицкий собор при этом в одночасье лишился 15 314 рублей так называемых «нерастрачиваемых вкладов», на проценты с которых осуществлялись различные благотворительные программы³.

Декрет об отделении церкви от государства разрешал «коллективам верующих» получать от местных Советов здания и необходимые для богослужения «предметы» на условиях «бесплатного пользования». К заключению договоров о таком «бесплатном пользовании» не разрешалось привлекать ни священников, ни епископов. В 1919 году Вольская уездная комиссия по отде-

лению церкви от государства и школы от церкви под председательством будущего профессора Б.П. Токина заключает такие договоры с «коллективами верующих» всех сохранившихся церковей города и уезда. Приходские советы заключили договоры о получении зданий, утвари и прочего церковного имущества в безвозмездное пользование, а власти получили в свое распоряжение подробные описи церковного имущества, которые несколько лет спустя очень пригодились им при изъятии церковных ценностей.

Положение сохранившихся храмов с самого начала «эпохи исторического материализма» оказалось непростым. Власть не забыли обложить здания, переданные в бесплатную аренду, немалым земельным налогом.

1922 год ознаменовался кампанией по изъятию церковных ценностей. В Вольске, так же как и в Саратове, эта акция власти прошла без особых эксцессов благодаря мудрой дальновидности архиереев: правящего Саратовского епископа Досифея (Протопопова) и его Вольского викария Иова (Рогожина). Будучи в течение недолгого времени управляющим Саратовской епархией, владыка Иов, как и епископ Досифей, проявил готовность пожертвовать многие церковные ценности на нужды голодающего народа России.

Начало кампании, ставшей для большевиков предлогом для уничтожения патриаршей Церкви, было положено декретом ВЦИК от 23 февраля 1922 года. Этот декрет вольскими властями был встречен с нетерпением. Уже 9 марта в Губисполком из Вольска полетела телеграмма следующего содержания. «Уисполком просит сообщить возможно ли не дожидаясь

распоряжения образовать комиссию по изъятию церковных ценностей на основании постановления ВЦИК объявленного по радио 23.02.1922 г. Зампредуисполкома Коротков»⁴. Губисполком успокоил товарища Короткова в том, что губернская комиссия по изъятию уже создана в составе: председателя — члена ВЦИК Ерасова, зампредседателя — члена Губисполкома Самсонова, членов — зав. Губфинотделом Трофимова и зам. пред. Губкомпомгола Кульманова⁵.

Через два дня комиссия по изъятию церковных ценностей была создана и в Вольске. Она состояла из председателя — зам. пред. Уисполкома Петра Герасимовича Смольникова, его заместителя — члена Уисполкома Фёдора Ивановича Краюшкина и двух рядовых работников — представителя Уфинотдела

Епископ Саратовский
Досифей (Протопопов)

¹ Вольский филиал ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 81.

² ВФГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 83. Л. 43–44.

³ ВФГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 83. Л. 154.

⁴ ВФГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 295. Л. 3.

⁵ Там же.

Детский хор Троицкого собора в 1930-е гг.

Александра Михайловича Глухова и члена Уисполкома Алексея Ивановича Панферова. Впоследствии в состав комиссии вошли Пешехонов Василий Маркелович и Богданов Михаил Христофорович¹. Вольская комиссия рьяно взялась за дело и естественным образом столкнулась с нежеланием вольских обывателей отдавать святыни в руки безбожников. Дело тем не менее шло довольно мирно, и комиссия была готова принять взамен освященных предметов равное по весу количество драгоценных металлов. 27 марта 1922 года Краюшкин рапортовал Губернской комиссии: «Учет подлежащих изъятию церковных ценностей по городу Вольску закончен. Граждане предлагают заменить по весу освященные предметы золотом и серебром. Комиссия находит это возможным. Просим разъяснения и сообщения эквивалента серебра к золоту в слитках и монете»². Точное количество изъятых из вольских церквей драгоценных металлов неизвестно. В Вольском филиале ГАСО сохранилась лишь одна недатированная, но относящаяся, по-видимому, к началу мая 1922 года справка, подписанная председателем уездной комиссии по изъятию Смолянниковым. Согласно этой справке, серебра, изъятых из вольских церквей, оказалось не так уж много.

1. Собор Иоанна-Предтечи — 9 фунтов 50 золотников 66 долей.

¹ Там же. Л. 11–13, 31, 36.

² Там же. Л. 18.

2. Единоверческая церковь — 12 ф. 80 зол. (2 ф. 63 зол. не изъято).

3. Благовещенская церковь — 4 ф. 67 зол. 60 дол.

4. Покровская церковь — 6 ф. 78 зол. 18 дол.

5. Успенская церковь — 1 ф. 23 зол. 72 дол.

6. Троицкая церковь — 4 ф. 65. зол. 72 дол.

7. Кладбищенская церковь — 1 ф. 91 зол. 6 дол.

8. Монастырь — 6 ф. 2 зол. 72 дол. (4 ф. 50 зол. 24 дол. не изъято).

9. Австрийская церковь — 1 ф. 73 зол.³

Приходские храмы Вольска, уцелевшие в лихие годы военного коммунизма, продолжали действовать все двадцатые годы, хотя и были терзаемы нестроениями обновленческого раскола. Стойкими защитниками патриаршей Церкви в эти годы были Вольские викарные епископы, отстаивавшие Троицкий собор от захвата обновленцами. Среди них особое место занимают епископ Григорий (Козырев), епископ Симеон (Михайлов), епископ Андрей (Комаров).

В 1925 году в клире Троицкого собора в это время служат: протоиерей Николай Константинович Кассандров (1855 г. р.), священник Павел Алексеевич Верхолетов (1892 г. р.), диакон Пётр Федорович Гладилин (1891 г. р.), псаломщики Иван Андреевич Елисеев (1891 г. р.) и Евстигней Никанорович Трунин (1883 г. р.)⁴. В 1929 году настоятелем Троицкого собора был архимандрит Иоанникий (Иван Степанович Попов), рукопо-

³ Там же. Л. 44.

⁴ ВФГАСО. Ф. 725. Оп. 1. Д. 193.

Успенская церковь старообрядцев-беглопоповцев

ложенный 14 октября 1931 года в сан епископа и назначенный на Камышинскую архиерейскую кафедру с временным управлением Вольским викариатством. С ним служили: протоиерей Михаил Сергеевич Чертыковцев (1880 г. р.), протоиерей Николай Николаевич Позднев (1891 г. р.), псаломщик Павел Ананьевич Руднев (1893 г. р.)¹.

Вскоре после отъезда архимандрита Иоанникия Троицкий собор переходит в руки обновленцев. В это время здесь служит обновленческий епископ Алексей Покровский и молодой иеродиакон Борис Викке, будущий Саратовский епископ Борис (Вик).

Первым вкрадчивым шагом в закрытии вольских храмов стала служебная записка председателя Вольского горсовета Васильева начальнику горчасти Адмотдела, помеченная грифом «Весьма спешно» и датированная 9 марта 1929 года.

«Во время предвыборной кампании почти на всех избирательных собраниях рабочие и другие трудящиеся массы города вынесли постановление и внесли наказ Горсовету о закрытии в г. Вольске для использования под культурно-просветительские учреждения четырех церквей: 1. Успенской православной обновленческой на ул. Бедноты, 2. Благовещенской православной на углу Ленинской и Первомайской, 3. Иоанно-Предтеченского кафедрального обновленческого собора на пл. им. 10-летия Октября, 4. Богородице-Владимирского монастыря...

¹ Там же. Д. 44.

Пред. Горсовета Васильев
Секретарь — член президиума Лобастеева».

Из протоколов избирательных собраний, приложенных к этому документу, видно, что голосование за упразднение церквей было далеко не единогласным².

Троицкий собор, перешедший к обновленцам, продержался до конца 1931 года. 5 января 1931 года председатель общины (в терминологии того времени — коллектива верующих) Алексей Васильевич Замятин обратился в городской административный отдел с прошением о разрешении совершить традиционный крестный ход на Волгу и водосвятие в праздник Крещения. Разрешение было получено³. 4 июня 1931 года в Троицкий собор прибыл последний Вольский обновленческий епископ Алексей Марков⁴. Однако к концу декабря 1931 года он был вынужден перебраться в кладбищенскую Феодоровскую церковь. Троицкий собор был закрыт.

Община верующих «тихоновской ориентации» получила от властей помещение бывшей Успенской церкви старообрядцев-беглопоповцев. В память о закрытом соборе она была освящена в честь Животворящей Троицы и в документах того времени проходила как Ново-Троицкая церковь. В этом храме служил последний вольский епископ Георгий (Садковский), арестованный на праздник Троицы в 1935 году. Последними свя-

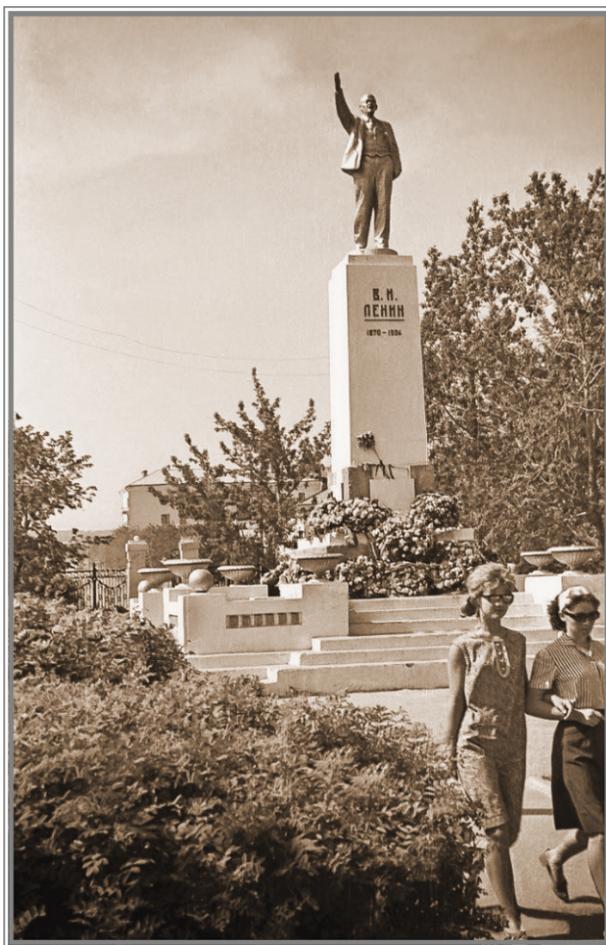
² ВФГАСО. Ф. 39. Д. 61. Л. 15.

³ Там же. Д. 71.

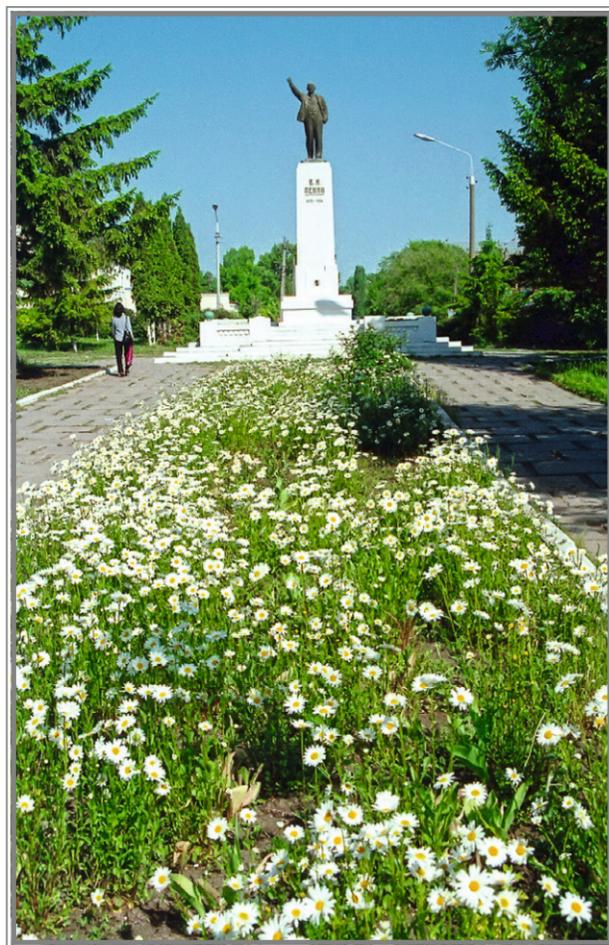
⁴ Там же.

Разборка Троицкого собора

Памятник Ленину на месте Троицкого собора

щенниками, совершавшими богослужения в Новотроицкой церкви, были Мстислав Курмышский, расстрелянный в Вольске 15 декабря 1937 года¹, и настоятель — священник Василий Дмитриевич Розанов. В 1937 году в клире Ново-Троицкой церкви состоял протоиерей Михаил Лопатин, также расстрелянный 15 декабря 1937 года.

27 декабря 1937 года были арестованы 37 сельских закрытого в 1929 году Вольского Владимирского женского монастыря. В то время они были прихожанками Ново-Троицкой церкви. 31 декабря все, кроме одной, были приговорены к высшей мере наказания по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде. Среди немногочисленных свидетелей обвинения был священник Василий Дмитриевич Розанов. 12 января 1938 года приговор был приведен в исполнение². Постановлением Президиума Вольского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 27 февраля 1938 года Ново-Троицкая церковь была закрыта³. Священнические облачения при этом были переданы местному Дому колхозников на тряпье. Все 578 икон, находившихся в церкви, были сожжены⁴.

Троицкий собор был закрыт, а впоследствии, в 1934 году, разобран. На месте храма разбили сквер, в центре которого в 1937 году был водружен памятник Ленину.

¹ Биографический справочник «За Христа пострадавшие» https://martyrs.pstbi.ru/bin/db.exe/no_dbpath/koi/nm/?HYZ9EJxGHoxlTYZCF2JMTdG6Xbu8sy0guuyXVeeWd66nVseXVeu0W66DUe8CisCmZseXb**

² Архив УФСБ по Саратовской области. Д. № ОФ-15942.

³ ВФГАСО. Ф. Р-128. Оп. 6. Д. 86. Л. 1.

⁴ Там же.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ЕПИСКОП ГЕРМАН (КОСОЛАПОВ)

17 января 1918 года на Вольскую кафедру был назначен новый епископ Герман (Косолапов), ставший одной из первых жертв большевистского террора. Происхождение Вольского владыки было нехарактерным для того времени. Епископ Герман (в миру — Николай Васильевич Косолапов) родился 22 октября 1882 года в семье директора Саратовского реального училища В.В. Косолапова. Его желание посвятить жизнь Церкви — одно из многих убедительных свидетельств того, как на рубеже двух эпох размыкались сословные границы русского православного духовенства, и российская интеллигенция начинала нелегкий путь возвращения в Церковь.

Образование свое Николай Косолапов начал в Первой мужской гимназии Саратова. В 1902 году по рекомендации священномученика Гермогена (Долганова; †1918) он поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. 8 января 1905 года во время обучения в Академии принял иноческий постриг с именем Герман. В 1906 году будущий владыка заканчивает Академию в сане иеромонаха и звании кандидата богословия и на-

Епископ Герман (Косолапов) на скамье подсудимых. 1918 г.

значается помощником смотрителя Сарapulьского духовного училища Вятской губернии.

Через год, в 1907 году, он переводится на ту же должность в Камышинское духовное училище.

С 13 марта 1908 года иеромонах Герман занимает должность смотрителя Петровского духовного училища. 2 июля 1911 года отец Герман получает новое назначение на должность смотрителя Обоянского духовного училища Курской губернии, а с 1 февраля 1913 года занимает такую же должность в Курске.

26 апреля 1916 года архимандрит Герман становится ректором Владимирской духовной семинарии, которую возглавляет до ее упразднения.

11 февраля 1918 года правящим епископом Саратовской епархии Досифеем (Протопоповым; †1942), Петровским викарным епископом Дамианом (Говоровым; †1936) и епископом Уральским Тихоном (Оболенским; †1926) в Вольском кафедральном Иоанно-Предтеченском соборе была совершена епископская хиротония архимандрита Германа.

Архиерейские труды владыки Германа продолжались очень недолго. С 18 июля 1918 года до 7 сентября он находился в Саратове, замещая правящего епископа Досифея, присутствовавшего на Поместном соборе Русской Церкви. После получения в конце июля 1918 года вести о му-

Ново-Троицкая церковь

ченической кончине последнего Российского императора, 4 августа в Свято-Серафимовской церкви Саратова священник Михаил Платонов совершил молитвенное поминовение убиенного Помазанника Божия. 24 августа за совершение этого поминовения отец Михаил Платонов был арестован. В ответ на это Епархиальный Совет во главе со своим председателем протоиереем Алексием Хитровым с благословения епископа Германа распорядился прекратить богослужения в Свято-Серафимовской церкви и призвал прихожан церкви требовать освобождения своего настоятеля. 17 сентября 1918 года в Саратов прибыл Председатель Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкий, который дал указание Председателю Саратовского губисполкома В.П. Антонову-Саратовскому «подорвать влияние Церкви». Последний приказал арестовать епископа Германа и весь Епархиальный Совет и провести над ними показательный судебный процесс, который проходил в Большом зале Саратовской консерватории 5–6 октября 1918 года. 8 октября «Известия Саратовского Губернского Совета» сообщали: «6 октября 1918 года священник Платонов приговорен к расстрелу, епископ Герман (Косолапов) — к 15 годам заключения». Приговор отцу Михаилу Платонову вскоре был заменен 20-летним тюремным заключением в качестве заложника.

Около 10 тысяч верующих Саратова и Вольска подписали прошение об освобождении епископа Германа и других обвиняемых. Жители Вольска писали, что у епископа Германа была только одна дорога — в храм, где он

Епископ Герман (Косолапов)

совершал богослужения и проповедовал христианские идеалы веры, надежды и любви. В прошении особым образом отмечалась глубина веры и подлинно христианское смирение епископа Германа.

Кассационная жалоба, поданная после вынесения приговора, возымела действие. Приговор был отменен, и дело было подано на новое рассмотрение в Саратовский ревтрибунал. 2 апреля 1919 года епископ Герман был освобожден из-под стражи по амнистии. Он смог выехать в Вольск, однако 5 мая был вновь арестован.

2 октября 1919 года Саратовская ЧК вынесла постановление о прове-

дении в Саратове «красного террора» в ответ на покушения на ряд видных большевиков. 8 октября 1919 года, епископ Гермоген был приговорены к расстрелу «как непримиримый враг рабоче-крестьянской власти».

По преданию Владыка Герман возглавил отпевание узниками самих себя по полному чину, которое проходило в стенах саратовской тюрьмы. 11 октября «Известия Саратовского Совета» печатает сообщение о состоявшемся в ночь на 10 октября расстреле епископа Германа. Вместе с владыкой были расстреляны настоятель Серафимовской церкви Саратова священник Михаил Павлович Платонов, личный секретарь святого епископа Гермогена протоиерей Андрей Васильевич Шанский и еще десять человек мирян. Несколькими днями раньше 30 сентября 1919 года на окраине Воскресенского кладбища были расстреляны настоятель Саратовского Троицкого собора протоиерей Геннадий Махровский, священник Олимп Диаконов и 26 мирян.

На Воскресенском кладбище Саратова почитается братская могила расстрелянных в 1919 году священнослужителей Саратовской епархии. Среди новомучеников, погребенных в ней, лежит и тело епископа Германа. В самые страшные годы на могиле расстрелянного духовенства совершались поминальные молитвы.

Священный Синод Русской Православной Церкви 26 декабря 2006 года постановил включить имя владыки Германа в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской XX века.

ЕПИСКОП ГРИГОРИЙ (КОЗЫРЕВ)

С 1924 по 1927 год епископом Вольским был Преосвященный Григорий (в миру — Сергей Алексеевич Козырев).

Он родился 13 сентября 1882 года в семье священника села Пожарье Молоковского уезда Тверской губернии. По окончании Духовного училища и Тверской духовной семинарии с 1902 по 1908 год был учителем земской школы. После окончания в 1914 году Московской духовной академии со степенью кандидата богословия бы назначен преподавателем Владимирской духовной семинарии.

Накануне революции 26 февраля 1917 года Сергей Алексеевич Козырев принимает иноческий постриг и через пять дней рукополагается в сан иеродиакона. 5 марта 1917 года он становится иеромонахом. В должности преподавателя Священного Писания иеромонах Григорий (Козырев) оставался до самого закрытия Владимирской семинарии в 1918 году. Затем он преподает догматическое и нравственное богословие, а также психологию и философию в Пастырской богословской школе, одновременно служа священником в храме при Владимирской городской больнице.

Епископ Григорий (Козырев) с духовенством. Слева от владыки — священномученик иерей Петр Зиновьев. Из фондов Музея истории Саратовской митрополии

После закрытия и этой школы по благословению митрополита Сергия (Страгородского) он поступает в число братии Введенской пустыни Владимирской епархии, исполняя обязанности священника в селе Кабаново.

14 (27) сентября 1923 года, в праздник Воздвижения, Святейший Патриарх Тихон с собором архиереев совершает его поставление во епи-

скупа Петропавловского vicария Омской епархии (по другим данным — во епископа Муромского, vicария Владимирской епархии). На место служения выехать не удалось, так как уже 3 ноября он был арестован и заключен в московскую Бутырскую тюрьму. 14 января 1924 года владыку Григория высылают на Соловки. 1 ноября 1924 года владыка получа-

Епископ Григорий (Козырев) с духовенством и прихожанами Троицкого собора за несколько дней до ареста. Май 1928 г.

ет досрочное освобождение и приезжает в Москву. В лаптях, рваной одежде он пришел в храм и всю службу стоял у входа. Потом его узнали и пригласили в алтарь.

26 ноября 1924 года владыка Григорий получает назначение на Вольскую кафедру. Высокопреосвященнейший Досифей, архиепископ Саратовский, назначает его секретарем епархиального управления. В декабре 1926 года его вновь подвергают аресту и держат в Саратовской тюрьме до мая 1927 года. О пребывании епископа Григория в Вольске помнят старожилы города. Он совершал богослужения в еще не разрушенном Троицком соборе, заботился о уставности и красоте богослужения, знал толк в церковном пении и ценил голоса.

Отдавая дань времени, владыка Григорий принимал участие в диспутах с безбожниками. Об этом писа-

ла, например, Вольская газета «Луч правды», в номере от 22 июля 1925 года: «...Защитники веры и бога на этот раз приготовили тяжелую артиллерию в виде епископа тихоновской церкви Григория...»

В 1925–1926 годах владыка Григорий вновь оказывается в заключении, которое отбывает в Соловецком лагере особого назначения. 28 мая 1927 года епископ Григорий получает указ Заместителя Патриаршего Местоблюстителя Серафима о назначении епископом Суздальским, vicарием Владимирской епархии. Затем 14 июня 1929 года епископ Григорий получает от самого митрополита Сергия назначение епископом Новоторжским, vicарием Калининской епархии, с 6 августа 1929 года носит титул епископа Бежецкого, vicария той же епархии. 29 января 1937 года владыка Григорий перемещается на Барнаульскую

кафедру. До Барнаула владыке доехать так и не удалось. Он был снят с поезда и арестован. 27 июля 1937 года владыка Григорий был приговорен к длительному заключению и отправлен в лагерь на лесоповал. В том же 1937 году он был расстрелян.

Четыре брата епископа Григория — священнослужители Русской Православной Церкви — разделили его судьбу.

Протоиерей Николай Козырев, священник Никольской церкви в Бежецке, арестован в 1938 году и из заключения не вернулся. Протоиерей Иоанн Козырев, священник Крестовоздвиженского храма, арестованный в 1937 году, погиб в лагере. Протоиерей Василий Козырев был арестован дважды. После десятилетнего пребывания в заключении вернулся домой, но был арестован снова и домой уже не вернулся. Иеромонах Даниил (Козырев) погиб в лагерях.

ЕПИСКОП СИМЕОН (МИХАЙЛОВ)

Его назначение на Вольскую кафедру временно управляющим в отсутствие епископа Григория произошло 21 июня 1927 года. Это было первым его назначением после возвращения из григорианского раскола.

Семен Михайлович Михайлов, родился в Симбирской губернии в чувашской семье 3 февраля 1874 года. По окончании Симбирской духовной семинарии в 1897 году он принимает священный сан и назначается священником-миссионером при Казанском Братстве Святителя Гурия.

В годы Первой мировой войны отец Симеон становится военным священником 84-й пехотной дивизии. По окончании войны, с 1 декабря

Епископ Симеон (Михайлов)

1918 года он — ключарь Казанского кафедрального собора.

Почти пятидесятилетним человеком он принимает епископскую хиротонию и 30 декабря 1923 года становится епископом Чебоксарским, а 20 февраля 1924 года назначается временно управляющим Вятской епархией.

В 1925 году он примыкает к группе епископов, признавших правомочность Временного Высшего Церковного Совета, созданного Свердловским архиепископом Григорием (Яцковским), вышедшим из канонического подчинения Местоблюстителю Патриаршего Престола митрополиту Петру, находившемуся

в заключении. После принесенного покаяния он 21 июня 1927 года назначается временно управляющим Вольским викариатством вместо находившегося под арестом епископа Григория (Козырева). В Вольске епископ Симеон находится до 8 октября 1928 года.

В последующие годы он последовательно занимает Златоустовскую — с 8 октября 1928 года, Ижевскую —

с 12 июня 1931 года, Каменскую (Донская обл.) — с 13 мая 1932 года, Сарapulьскую — с 22 ноября 1933 года, Пугачевскую — с 14 мая 1934 года, Челябинскую — с 5 февраля 1935 года, Свердловскую — с 3 июля 1935 года, Муромскую — с 12 ноября 1935 года, затем — снова Сарapulьскую. С 23 октября 1937 года уволен на покой. Проживал на покое на родине в д. Сагалаево.

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ ВЕРХОЛЕТОВ

Павел Алексеевич Верхолетов¹ родился в 1892 году в селе Красные Дома Самарской губернии в семье волостного писаря Алексея Верхолетова. В конце жизни он некоторое время служил псаломщиком в церкви родного села. Уже после его смерти сын Павел был принят в Самарское духовное училище, после окончания которого в 1906 году был зачислен в Самарскую духовную семинарию. Почти сразу же после завершения обучения в семинарии Павел Верхолетов вступил в брак с Елизаветой Васильевной Юнгеровой, внучкой известного балаковского священника Александра Юнгерова, завершившего свою жизнь духовником Чагринского женского монастыря (канонизирован 15 октября 2001 года как местночтимый святой Самарской епархии).

В 1913–1914 годах Павел Александрович Верхолетов служил псаломщиком в церкви села Ключи Бугурусланского уезда Самарской губернии.

В начале 1914 года Павел Алексеевич Верхолетов был рукоположен в иереи и назначен служить в Иоанно-Предтеченском кафедральном соборе г. Вольска. Первый арест отца Павла произошел в июле 1918 года во время белогвардейского мятежа. Как вспоминает сын отца Павла, военный журналист А.П. Верхолетов: «Жили мы на Базарной площади, именуемой также Торговой и Соборной. Там завязались жаркие бои, и повстанцы атаковали расположенные на площади Совет и Ревком. Когда опасность миновала, к нам немедленно примчались чекисты и арестовали моего отца, отца Павла Верхолетова. В то время мы жили в доме, принадлежавшем кафедральному собору, и мой отец был не только священником в том храме, но и ключарем упомянутой церкви. Разъяренные чекисты вопили, что именно он, ключарь собора, ударил в набат и предоставил мятежникам доступ к колоколам. Отец Павел пытался объяснить, что веревка, привязанная к набатному колоколу, опущена до самой земли. Заметив возникновение пожара, любой человек может ударить в набат, и никаких ключей для

этого не требуется. А сам священник, застигнутый ружейно-пулеметной стрельбой, из дома не выходил, и все церковные ключи продолжают лежать в его квартире»².

Первое заключение отца Павла продолжалось недолго. Ходатайство родственников и прихожан собора позволило священнику избежать расстрела, и через некоторое время он вернулся к служению. В 1918 году в семье отца Павла оказался дядя его

Павел Александрович
и Елизавета Васильевна
Верхолетовы

жены — выдающийся ученый, доктор богословия, профессор закрытой Казанской духовной академии Павел Александрович Юнгер. В 1921 году, когда голод в Поволжье стал совсем невыносимым, Павла Александровича перевезли в Балаково, где он вскоре скончался от сыпного тифа в возрасте 65 лет.

Второй раз отец Павел Верхолетов был арестован в 1921 году. Вот как описывает это событие его сын Александр: «Помню, как студеной зимней ночью 1922 года к нам прибежала встревоженная сторожиха

В ноябре 1937 года епископ Симеон вновь подвергается аресту. 2 сентября 1940 года приговорён к 5 годам ссылки в Красноярский край. Скончался 14 мая 1943 года в селе Абан Красноярского края. Реабилитирован Прокуратурой Чувашской АССР 26 сентября 1989 г.

и с порога крикнула: «Батюшка! Церковь обокрали!» Отец вскочил, быстро оделся и побежал к месту происшествия. Побежал и не вернулся! Его, ключаря собора, арестовали, обвинив в умышленной инсценировке кражи и сокрытии от конфискации властями церковных драгоценностей, предназначенных для оказания помощи голодающему населению Поволжья. А сама кража оказалась крупной и хорошо подготовленной.

Грабители заранее оставили в церкви юного воришку, который подлез под аналой, укрытый парчовым чехлом, и просидел там до глубокой ночи. Предварительно обученный подросток сдирал с икон золотые и серебряные ризы, свертывал листы в трубочки и выбрасывал их сквозь оконные решетки своим сообщникам. За этим неблагоприятным занятием их застал сторож, поднявший крик. Бандиты оглушили его ударом по голове. Сторожа выручила шапка-ушанка, он довольно быстро пришел в себя и даже не обращался к врачам. Но громилы успели отобрать у него ключи и выпустили юного сообщника на свободу, прихватив пару узлов с церковным имуществом».

Ограбление собора стало поводом для его захвата группой обновленцев во главе с Вольским обновленческим епископом Михаилом Постниковым³. Сразу же после этого семья отца Павла была выселена из принадлежавшей собору квартиры и нашла прибежище в подвале одного из прихожан храма.

Как вспоминает А.П. Верхолетов: «Это был небольшой подвальчик с цементным полом, застеленным соломой, и полутораметровым потолком. Имелись также маленькая печурка "буржуйка", запас дров и похожий на лампаду светильник. В складском подвале, который одновременно был хлевом для скота, обитали главные хозяева столь необычного помещения — коза с козленком. Это меня особенно обрадовало. Я даже воскликнул:

— Почти как в Вифлееме. У Христа были волхвы и овечки, а у нас — коза с козленком.

Матери такое сравнение не понравилось, и она грустно сказала:

³ Там же.

— Глупенький ты, Шурик. Ох, какой глупенький!»¹.

Весной 1922 года отец Павел был препровожден в саратовскую тюрьму. Это событие прочно укоренилось в памяти его сына: «Весной 1922 года, когда завершился ледоход, и готовилась открыться навигация к нам прибежали доброжелатели и сообщили, что батюшку ведут из тюрьмы на пристань. Мы помчались к дебаркадеру, где собралось около трехсот человек. Вскоре мы увидели, как приближается к реке мой отец. Впереди него важно шествовал, размахивая наганом и расчищая тем себе дорогу, известный всему городу чекист с великолепной для его чина и звания фамилией — Гнускин! Затем смиренно шел иерей Павел Верхолетов. Его сзади подпирал штыком, направленным в спину, солдатик с винтовкой наперевес. Гнускин не допустил нас к арестанту, не дал нам возможности поцеловаться с ним и попрощаться. Он быстро провел Павла Алексеевича на верхнюю палубу парохода. После традиционного гудка судно стало разворачиваться, мой отец осенил провожающих пастьским благословением, а Гнускин гневно завопил: "Запрещается! Это запрещается!" Люди громко зароптали, но это на представителя местной власти не подействовало. Пароход медленно удалялся, скрылся в туманной дымке и стоявший на корме отец»².

Обновленцы смогли захватить несколько храмов в Вольске. Почти все вольские священники подчинились Саратовскому обновленческому епископу Николаю (Поздневу). Искренне преданные патриаршей Церкви верующие собирались в кинови, небольшом домовом храме при захваченном властями архиерейском доме. «В этом уютном строении, вмещающем не более трехсот молящихся, — вспоминает А.П. Верхолетов, — имелся алтарь, престол, царские врата и иконостас. В этот молитвенный дом, именуемый кеновией, меня отправила мать. Я по привычке пристроился на хорах и даже немного подпевал там. Седой иеромонах, правивший церковную службу, заметил меня, взял за руку, вывел на амвон и поведал молящимся, что я есть сын несправедливо заключенного в тюрьму отца Павла и что мы выброшены из жилья на мороз, оставлены без средств существования. Иеромонах сказал, что возможна отправка отца Павла в ссылку в Северные края, и он хотел бы повидать детей и жену и попрощаться с ними. Но денег у несчастной семьи нет для поездки в Саратов. Он призвал православный люд оказать посильную помощь нашей семье. Люди с готовностью откликнулись на его призыв. Представительница Церковного совета дала мне тяжелое медное блюдо с горящей свечой и грустно сказала:

— Пошли, сынок, побираться, собирать милостыню...»³.

Делом по ограблению Предтеченского собора в Вольске занималась

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

Саратовская сыскная милиция, которая до этого принимала участие в расследовании ограбления патриаршей ризницы в Москве. Невинность отца Павла была доказана. Он вернулся в Вольск и в 1923 году был назначен настоятелем Троицкого собора.

Назначение произошло незадолго до престольного праздника собора. В этот день в нем должен был совершать первое богослужение назначенный на Вольскую кафедру епископ Виссарион (Зорин). Об этом торжестве вспоминает сын отца Павла Александр: «Именно в этот день должен был заступить на кафедру вновь предназначенный в Вольск епископ Виссарион. Будучи архимандритом, епископ Виссарион несколь-

Священник
Павел Верхолетов

ко лет возглавлял Самарскую духовную семинарию, где учился мой отец. Павел Алексеевич, заступив на эту должность, принял энергичные меры по подготовке этого празднования. Он разыскал архиерейскую карету, подготовил необходимых служек для встречи с епископом. Я, как младший среди них, выполнял обязанности своего рода королевского пажа, подерживая шлейф епископской мантии».

С ноября 1928 года до апреля 1929 года отец Павел служил в Аткарске, затем переехал в Никольскую слободу под Камышином, в декабре 1930 года снова вернулся в Вольск.

В 1931 году отца Павла снова подвергают аресту⁴. Ему предъявляется обвинение в участии в контрреволюционной организации, подготовке вооруженного восстания, проведении

⁴ По делу 1931 г. вместе с отцом Павлом проходили его родственники Александр Алексеевич Юнгер и Александр Васильевич Юнгер, приговоренные к трехлетней ссылке в Северный край. Арх. уг. д. 14911. Л. 210.

нелегальных сборищ, антисоветской агитации, отвлечения крестьян от колхозов. 2 октября 1931 года он приговаривается к трехлетнему заключению в лагере в поселке Свирской Лодейнопольского района Ленинградской области. После освобождения переселяется в г. Гурьев, где служит в Успенской церкви. 10 сентября 1937 года происходит его последний арест. Менее чем через месяц, 5 ноября 1937 года тройкой при УНКВД по Западно-Казанской области отец Павел Верхолетов был приговорен к высшей мере наказания⁵.

После ареста в 1931 году отец Павел настоял на необходимости развода с женой⁶. Это неприятное действие позволяло детям получить образование. С детьми Александром (1916 г.р.) и Валентиной (1921 г.р.) Елизавета Васильевна переехала в Москву. Какое-то время семья проживала в неотапливаемом сарае в Можайске. Через некоторое время ей удалось получить 18-метровую комнату в коммунальной квартире в Голицино. Работала истопником, грузчиком, прачкой, сторожем, уборщицей в различных медицинских учреждениях Подмосквы. В эвакуации в Ташкенте работала грузчиком на одном из заводов. До самой смерти в 96-летнем возрасте (1992 г.) сохраняла ум, благодушие и прекрасную память⁷.

Александр Павлович Верхолетов уже в пятнадцатилетнем возрасте начал работать. Во время Финской войны ушел добровольцем на фронт. Участвовал и в Великой Отечественной войне, под Сталинградом получил тяжелое ранение, на некоторое время ослеп, но вернулся в строй. Закончил войну в 1945 году в Праге. На войне Александр Павлович Верхолетов приобрел профессию журналиста и до конца дней трудился на этом поприще. Скончался в возрасте 89 лет. Дочь Александра Павловича, Ирина Александровна Анисимова, специалист в области информационных технологий, занимается активной общественной деятельностью, координирует работу по восстановлению семейной истории Юнгерых, Верхолетовых и Златоунских.

Дочь отца Павла Валентина окончила в 1946 году мелиоративный институт, посвятила свою жизнь проектированию различных гидротехнических сооружений. Среди ее работок — система противоторпедной защиты Асуанской плотины в Египте.

Память о семейных традициях Верхолетовых бережно сохраняется в новых поколениях. Правнуки и праправнуки отца Павла гордятся своей принадлежностью к сословию русского духовенства, сохраняя присущее ему жизнелюбие, христианский оптимизм и духовную силу.

⁵ <https://base.memo.ru/person/show/2954255>

⁶ Огудина Н.А. Чагринский батюшка. Самара. 2013. С. 114.

⁷ Там же. С. 115.